

*Нестер Наталья Васильевна
Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой, Полоцк*

**ОБРАЗЫ АНТИЧНОЙ МИФОЛОГИИ
В СТИХОТВОРЕНИЯХ А. ГУГНИНА**

***Аннотация.** Рассматриваются образы античной мифологии в стихотворениях А.А. Гугнина (1941–2021), советского, российского и белорусского литературоведа, критика и переводчика. Анализируется восприятие мифологических образов античности в поэтических произведениях А. Гугнина в соответствии с творческими исканиями и авторским замыслом. Выделяются художественные приемы в освоении, трактовке и интерпретации античного мифологического материала в стихотворениях А. Гугнина.*

***Ключевые слова:** античность, восприятие, А. Гугнин, интерпретация, мифология, образ, осмысление.*

***Abstract.** The images of ancient mythology in the poems of A.A. Gugin (1941 – 2021), a Soviet, Russian and Belarusian literary critic and translator, are considered. The perception of mythological images of antiquity in the poetic works of A. Gugin is analyzed in accordance with creative searches and the author's intention. Artistic techniques in the development, interpretation and interpretation of ancient mythological material in A. Gugin's poems are highlighted.*

***Keywords:** antiquity, perception, A. Gugin, interpretation, mythology, image, comprehension.*

Античность всегда привлекала художников слова многообразием универсальных мотивов и образов, способных служить особым фоном в освоении традиций прошлого и являющихся своеобразным мостиком, связующим прошлое с настоящим. При этом античная традиция не воспринимается как оковы: она не устанавливает определенные рамки в восприятии мифологического наследия, скорее, наоборот, дает полную свободу творческой личности в переосмыслении мифологического материала.

С античной литературой А. Гугнин впервые соприкоснулся в раннем детстве. Рассказывая о нем, будущий поэт упоминает о большом деревенском сундуке, в который его отец складывал свои самые лучшие книги. Во время отъезда отца

в Китай, будущий поэт находился на попечении бабушки. Найдя заветный ключик, он открыл сундук: «Запретный плод оказался настолько сладок, что пока отец отсутствовал, я перечитал всё содержимое сундука. А там лежали и «Илиада» с «Одиссеей», и Эсхил Софоклом и Еврипидом, и «Божественная комедия» с «Дон Кихотом»...» [1]. А. Гугнин отмечает, что «Вот так и получилось, что отец привил мне любовь к книгам, а я, не думая ни о чем, пропустил через себя почти всю классику мировой литературы! Некоторые вещи настолько запомнились, что и спустя годы в университете мог сдавать сессию, используя, в том числе, и тот детский литературный «багаж». Вот так эта гуманитарная жилка во мне сформировалась!» [1].

Ключевым для понимания отношения лирического героя А. Гугнина к античной традиции является стихотворение «Ночное путешествие»⁴, в котором лирический герой связан незримыми нитями с традициями прошлого. Он совершает своего рода путешествие во времени и устремляется в Древнюю Грецию, словно выпадая из реальности, переставая быть здесь и сейчас: «Из времени сбегу и улечу к Элладе» [2, с. 292]. Возвращение в прошлое позволяет ему обрести эликсир вдохновения: «Пора в Элладу мне, чтоб воздух жизни пить» [2, с. 292]. При этом лирический герой не ставит перед собой определенную задачу – он не хочет покорить самую красивую женщину Греции, хотя и является ее поклонником:

«В Элладу я лечу. Нет, я не доктор Фауст –
Увы, я не хочу Елену соблазнить.
(Но как она идет, земли едва касаясь!
Ах, дайте мне копьё – соперников пронзить!..)» [2, с. 292].

В данных строках находит воплощение представление древних о том, как передвигались боги – не переставляя ног и не касаясь земли. Божественная поступь приписывается прекраснейшей из женщин Греции – Елене Спартанской или Троянской, чьей красоте завидовали даже боги. Несмотря на то, что красота Елены пленяет лирического героя А. Гугнина, он даже готов сразиться с соперниками за обладание ею, но его цель другая. Это Кассандра, троянская царевна, наделенная Аполлоном даром пророчества⁵. Именно к ней обращается поэт, называя ее своей Кассандру «своей сестрой»:

«К тебе, сестра моя, Кассандра, свет Вселенной,
Сегодня я лечу, веков развеяв грусть

---

⁴ Стихотворение датируется 23 августа 1998 годом (ночь, г. Полоцк).

⁵ За отказ во взаимности Аполлону тот сделал так, что ее предсказаниям никто не верил несмотря на то, что они были достаточно точными и правдивыми.

Дай руку мне, сестра, – ведь ты отлично видишь,
Чем кончится разбой и будет кто распят –
Пусть мир во зле увяз, но мир ли нас обидит,
Ведь путь наш – не вперёд, а вглубь веков, назад» [2, с. 292].

Задаваясь вопросом о конечной цели своего путешествия, лирический герой с увлечением рассказывает о бесконечном странствии в вечности, цель которой – «И Дон Кихотом по векам скитаться, / И Дульсинею в вечности искать... [2, с. 292].

По мнению Н.Б. Лысовой, одно из лучших стихотворений А. Гугнина «Ночное путешествие» написано «в то время, когда поэт жил в Москве, но уже думал о переезде в Полоцк, где у Софийского храма еще жила его мама. В ночные думы-метания о своей жизни вплетается «нить заветная» судьбы полоцкой княжны, посвятившей себя Богу и людям. Пространство между Москвой и Полоцком сужается до границ собственной квартиры и окна, за которым идет дождь или плачут деревья» [3, с. 5].

Настоящий поэт всегда нуждается в музе, «вкладывающей» в поэтов вдохновение так же, как боги облачают героев внешней красотой лица и тела. Тому, кто обладает этой силой, свойственен и пророческий дар, знание прошлого и будущего. В поэтических текстах А. Гугнина фигурирует муза в единственном числе, несмотря на то что у него нет прямого обращения к ней, тем не менее, она является олицетворением художественного творчества вообще. Лирический герой А. Гугнина не ищет свою Музу среди проторенных дорог Пиэриды, а понимает, что, чтобы родился стих, необходимо обладать как минимум талантом. Так, в стихотворении «Нельзя придумывать стихи»⁶, посвященном Вийону, Есенину, Рубцову, Высоцкому и другим..., лирический герой принимает во внимание наличие музы, способствующей рождению долгожданных поэтических строк:

«Нельзя придумывать стихи.
Без вдохновенья нет поэта.
Есть строй блестящий рифм сухих –
Но муза *трепетом* согрета» [2, с. 170].

По мнению лирического героя, стихотворения нельзя сочинять, потому что муза – дама капризная, не станет вдохновлять поэтов, не обладающих хотя бы каплей таланта:

«Кто без ошибок дни влечет –
Увы! – тому не быть поэтом.
Хоть в жизни важен нам расчёт, –
Но муза *пламенем* согрета» [2, с. 170].

---

⁶ Стихотворение датируется 10–18 августа 1993 г. (г. Полоцк).

Заканчивается стихотворение императивом, обращенным к поэту: «Дерзай и мучайся, пиит» [2, с. 170], потому что создание поэтического текста всегда сопряжено с титаническими усилиями, поэтому ищи содействия не у музы, а у своего духа-покровителя: «Твой гений даст тебе спасенье» [2, с. 170].

Более частотным является обращение А. Гугнина к образу крылатого коня Пегаса. Следует отметить, что именно александрийские поэты (III в. до н.э.) создали представление о Пегасе как о коне поэтов. Сказание о Пегасе связывали с мифом о музах⁷. В переносном смысле «оседлать Пегаса» – значит стать поэтом, поэтому Пегас является символом поэтического вдохновения. Любимец муз, Пегас – создатель Гиппокрены, вода которого дарует вдохновение поэтам – появляется в цикле «Из книги бесполезных советов». В стихотворении из этого цикла «Эпиграмма самому себе»⁸ лирический герой задается вопросом: «Мой друг, романтик отставной, / Зачем ты мучаешь Пегаса?» [2, с. 227]. И сразу же дает на него ответ: «Он вашей братией давно / Уже зашпорен до отказа» [2, с. 227]. Следствием чего получается колоритный образ Пегаса, замученного бесталанными поэтами:

«В крови бока, и изо рта
Бессмысленно клубится пена.
Ему прилечь бы у куста,
А вам бы взять осла на смену» [2, с. 227].

К образу Пегаса А. Гугнин обращается также в стихотворении «Пегас зовет в дорогу»⁹. Вдохновение, внезапно настигшее лирического героя, сродни музыке, звучащей в его душе. Испытывая радость от того, что совпали звёзды – и момент творения настал, лирический герой седлает крылатого коня:

«Всевышний помнит обо мне,
И верный конь давно скучает,
И свет вдруг замерцал в окне –
Пегас мой крылья распрямляет» [2, с. 337].

Тем не менее, даже создав произведение, лирический герой А. Гугнина не останавливается на достигнутом, а продолжает сомневаться в безупречности

---

⁷ «Однажды, когда они пели, гора Геликон от восторга стала расти и достигла было небес, но Пегас по приказу Посейдона вернул её на землю ударом копыта, отчего образовался источник Иппокрена» [4, с. 186].

⁸ Стихотворение датируется 26 января 1995 г. (г. Вена).

⁹ Стихотворение датируется 30 октября 2015 г. (кафе).

написанного им. Доказательством тому является стихотворение «В час сомнения»¹⁰, в котором творческая личность уподобляется Тесею, стремящемуся найти выход из лабиринта с помощью нити Ариадны. Завершив очередной литературный труд, поэт находится в постоянных муках и терзаниях, кто же сможет оценить его по-настоящему. Нить размышлений приводит его к императиву:

«Ну что ж, иди, скитайся в лабиринтах,
Поймать попытайся Ариадны нить,
Назад не выйти, все мосты разбиты –
Придется дальше в неизвестность плыть» [2, с. 267].

Лирический герой А. Гугнина, как вечный странник, стремится найти ответ на вопрос, кто будет оценивать его труд, кто будет решать – «быть или не быть?» созданному им.

Лирический герой А. Гугнина – это наблюдатель и исследователь, связанный прочными оковами с теми местами на земле, пленником которых он является, пусть даже непродолжительный промежуток времени. Он ощущает каждое изменение в природе (радуется, как ребенок, дождю), угадывает настроения близких (З.М.), скорбит об утрате дорогих ему людей, различает многообразие звуков и различные оттенки цветов. Он испытывает радость бытия от созерцания любого мгновения, он – не Дон Жуан, а Дон Кихот, стремящийся сделать добрее и прекраснее всех и всё.

В стихотворении «Отрывок из...»¹¹ поэт создает яркий и запоминающийся образ римского бога желания, эротической любви и привязанности – Купидона. С наступлением прохладного вечера в природе происходит целая череда изменений: солнце уходит в «розовую синь», месяц «жжёт свой керосин», звезды «тускло зажигают свечи», короткий дождь «дождь чуть ароматным мылом с деревьев пышных шумно сбросил сон». Именно в это время и появляется крылатый бог любви: «На скверах, где просторно днём так было, / Вовсю разгорячился Купидон» [2, с. 25]. Один из атрибутов Купидона – стрелы с острым золотым наконечником (вызывают любовь) и тупым свинцовым наконечником (вызывают отвращение). В стихотворении стрелы называются «злыми», кроме того, Купидон использует их все полностью, не оставляя в колчане ни одной: «Метает злые стрелы не жалея, / Опустошает свой тугой колчан» [2, с. 25]. Следствием этих действий Купидона является обоюдное чувство, испытываемое парами, поскольку их настигают стрелы, вызывающие ответное чувство, несмотря на то

---

¹⁰ Стихотворение датируется 3 сентября 1996 г. (г. Полоцк).

¹¹ 1959 г. (г. Полоцк).

что они называются «злыми»: «И пары входят в густоту аллеи, / Как корабли в безбрежный океан...» [2, с. 25].

Так, в стихотворении «Этюд с натуры»¹² лирический герой, томясь от невыносимой жары и находясь в ожидании долгожданного дождя, способного вернуть к жизни опустошенную от зноя землю, наблюдает за появлением бога морей Нептуна¹³:

«Над самой головой ворчливо
Нептун трезубцем чуть сверкнул
И с мокрой бороды лениво
Две сотни капель отряхнул» [2, с. 237]

Согласно античной мифологии, традиционный атрибут Нептуна – трезубец – использовался с целью вызвать бури, разбить скалы и создать родники с пресной и морской водой. В контексте данного стихотворения бог не хочет прийти на помощь людям и пролить на землю живительную влагу, а прячет свой инструмент в футляр и исчезает:

«Потом наивно-простодушно
В футляр трезубец уложил,
Команду тучам дал послушным –
И гром, и дождь, и след простыл» [2, с. 238].

Прямо противоположная картина природы изображается в стихотворении «Утренний мотив»¹⁴. Лирический герой наслаждается апрельским дождем и бесконечным пением птиц, сравнивая себя с помолодевшим верховным владыкой Олимпа после того, как на землю пролился живительный дождь: «И я, как Зевс, седины расправляю / И сбрасываю груз веков и лет» [2, с. 255]. Выполнив возложенную на него миссию, также, как и Зевс, в колеснице, запряженной орлами, лирический герой заправляет свой транспорт и улетает: «Бензином колесницу заправляю / И мчусь за счастьем, улетевшим вслед» [2, с. 255]. Далее лирический герой оказывается в лесу и отождествляет себя уже с Нептуном, уподобляя свой посох трезубцу:

---

¹² Данное стихотворение посвящено матери Татьяне Матвеевне. Стихотворение датировано 30 июля 1995 г. (г. Полоцк).

¹³ В римской мифологии Нептун – бог морей и потоков. В греческой мифологии отождествлялся с богом морей Посейдоном.

¹⁴ Данное стихотворение посвящено З.М. Гугниной. Стихотворение датировано 29–30 апреля 1996 г. (г. Полоцк).

«И, как с трезубцем, с посохом дорожным
В лесу среди подснежников стою
И счастье подступает осторожно,
И в нем твои черты я узнаю» [2, с. 255].

Если сравнивать лирического героя с конкретным мифологическим образом, то, ему ближе всего Прометей. В мифах Прометей выступает как богоборец и защитник людей. Его имя в переводе с древнегреческого языка значит «промыслитель», т.е. «мыслящий наперед». В античной мифологии образ Прометея связан с мифологическим самоотрицанием. Являясь богом, по происхождению, Прометей разрушил веру в божество и мифологическое восприятие мира. Против воли богов Прометей даровал созданным из глины людям небесный огонь. За свою помощь людям Прометей терпит наказание от Зевса, но не признает за собой вины. В стихотворении «Мой манифест»¹⁵ поэт развивает тему «каждый кузнец своей судьбы», сравнивая собственную судьбу с участью Прометея:

«Значит, круг судьбы расписан –
Всяк своё всю жизнь везет:
Прометей – Зевесу вызов,
Я – свой маленький возок...» [2, с. 114]

Относительно данного стихотворения Н.Б. Лысова отмечает, что «выбирая из античного наследия соответствующий своему голосу образ, А. Гугнин останавливается на Прометее, при этом акцентирует внимание на ошибке филантропа, за которую приходится платить жизнью («ошибаться не устану») и на предназначении служить людям» [3, с. 6].

Таким образом, в стихотворениях А. Гугнина образы античной мифологии используются в функции архетипического образца, с которым сравнивается описываемая поэтом ситуация. Античные образы содержится не в стилизациях на классические сюжеты, но в стихотворениях, содержательно и формально обращенных к актуальным для поэта темам. При этом А. Гугнин изменяет общепринятые взгляды на традиционные образы античной мифологии, наполняя их новым содержанием. Поэт отдает предпочтение античным богам, в равной степени используя их соответствия в греческой и римской мифологии. Кроме того, имена античных богов часто выступают в стихотворениях А. Гугнина в качестве слов-заменителей. Так, муза и гений не теряют своего божественного происхождения, главная функция которых – покровительствовать искусству и человеку. При этом в некоторых поэтических текстах А. Гугнина они исполняют роль изысканного декора.

---

¹⁵ Стихотворение датируется 16 июля 1986 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гугнин, А. А. В науке нет конца! Всегда остаётся вопрос: «А что дальше?» / А. А. Гугнин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.psu.by/ru/novosti/sobytiya/a-a-gugin-v-nauke-net-kontsa-vsegda-ostaetsya-vopros-a-cto-dalshe>. – Дата доступа: 02.05.2024.
2. Гугнин, А. А. Стихотворения. Переводы (1957–2021) / Александр Гугнин; вступ. ст. Н. Б. Лысовой. – Витебск : Витебская областная типография, 2022. – 480 с.
3. Лысова, Н. Б. Услышать поэта и вечный ход жизни / Н. Б. Лысова // Гугнин, А. А. Стихотворения. Переводы (1957–2021) / Александр Гугнин. – Витебск : Витебская областная типография, 2022. – С. 3–8.
4. Ботвинник, М. Н., Коган, М. А. Мифологический словарь / М. Н. Ботвинник, М. А. Коган, М. Б. Рабинович, Б. П. Селецкий. – Ленинград: Учпедгиз, 1961. – 292 с.